

● ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

А РАЗВЕ ТАК УЖЕ БЫЛО?

Алла ДЫМОВСКАЯ.

Старый Юхи сидел на плексигласовой завалинке у самого подножия ледника Штрауса и смотрел на небо. Нет, осадков сегодня не будет, ни жидких, ни кристаллических, ни туманно-газообразных. Оно и к лучшему, утешил себя старый Юхи.

Внучек его, Эмиль, играл поблизости, в пингвиньем загоне. Для начала он раздражил сварливую пингвиниху Бяку, а потом с воплями удирал вдоль забора от её негодующей, переваливающейся с лапы на лапу — довольно ловко, надо сказать, жирной туши. Старому Юхи любопытно стало: что победит — мальчишеское проворство или справедливое возмездие? Победило возмездие. Потому что на краю голого, отливающего гангренозной синевой неба западной Антарктики, словно поднырнув под разделительную черту горизонта, показался планеролёт. Пингвиниха Бяка осталась равнодушной к его появлению, зато малыш Эмиль замер на месте, затем издал вопль радости, тут же перешедший в крик боли, потому что Бяка не преминула взять реванш. Утирая зарёванное личико кулачком в мохнатой варежке, внучек отступал к выходу из пингвиньего загончика.

— Деда, деда! Гумы прилетели! — заверещал Эмиль. Выбравшись наконец на свободный простор, он бросился бегом к старому Юхи и его завалинке. — Сахару привезли!

Старый Юхи вздохнул и крикнул. Нет, он совсем не против сахару. Но лучше бы они привезли доброго жгучего виски, только разве от них дождёшься. От этих гумов. Почему-то в службу гуманитарной помощи аборигенам шли самые занудные гумы, в основном женского пола. От них не то что виски, паршивого нюхательного порошка из крапивной крошки не дождёшься. Да и есть ли ещё где на земле этот виски, небось название одно и осталось, если кто помнит.

— Ну, деда! Побежали! — затеребил его Эмиль, дёргая, что было сил, старика за полу моржового бушлата с явным намерением стащить с завалинки.

— Чего бегать зря. И так выдадут положенное. Да и не на нашем участке сели. А в резервации «бошей». Пока дойдёшь! Отпусти меня, вот чертяка! — ворчливо, но не всерьёз бранился старый Юхи.

— Сахар! — без конца повторял заветное сладкое слово внук. Теперь он вприпрыжку носился вокруг воткнутого в рыхлый снег

костыля, при помощи которого старый Юхи обычно поддерживал вертикальное положение своего брэнного тела. — Деда, а почему мы не переедем жить туда? Питерсоны уехали и Тилотсоны тоже, и Кастаньсы за ними, и ещё двое из «руссов»... — продолжал малыш Эмиль перечислять всех счастливых.

— Этого от меня не дожждутся! — старый Юхи всегда сердился, если при нём кто-нибудь заводил речь о переезде. — Мы здесь на нашей земле! Сидели и будем сидеть! У козерогов оно известно как: только и есть работы, что на кремниевых варах, выступать для тамошних зрителей в этническом хоре или выпрашивать милостыню у конторы правителя. Чтоб ему и ей сгореть!

Милостыню, впрочем, у козерогов просить было выгодно. Куда выгодней, чем петь в этническом хоре. Но старому Юхи претило и то и другое. Он, чёрт возьми, на своей земле останется! Если его сыну и невестке так хочется, пусть катятся ко всем чертям! А он с места не сдвинется. Пока есть гумы и пингвины фермы, не пропадёт.

— Деда, а деда! — снова затеребил его Эмиль. — Папа говорит, что мы не всегда тут жили! Что раньше у нас был дом в какой-то Омахе. Он помнит, когда совсем маленький был. Ну, вот примерно как я.

— Жили! Мы по всей земле, внучек, жили! Всё было наше. А козерогов в помине никаких не было, — мечтательно принялся вспоминать старый Юхи те счастливые времена.

— Козероги не было? Ух ты! — удивился внучек. — И сахара тоже? — уточнил он с сомнением.

— Сахар был. Сколько хочешь. И вообще всего сколько хочешь. Эх, не ценили мы! Да кто ж знал, что такой выйдет обман? — Старый Юхи загрустил, перебирая в памяти обиды людского племени, от которого теперь-то остался какой-нибудь гулькин нос.

— Это козероги нас обманули? — Поражённый Эмиль замер на месте. — Расскажи, как?

— Как? Тишком да исподволь. Как обычно людей обманывают-то? Не знаю я, как это вышло всё.

Старый Юхи не ггал. Он и впрямь не мог уразуметь, как вышло роду человеческому боком то, что так хорошо начиналось. Когда же козероги прилетели? Он сам был тому свидетелем. Они почему-то сели в Омахею. Ну конечно, не только там. И в Африке, и где-то у Сарагосы, и вроде бы в Китае, но столь далеко познания старого Юхи не простирались. И прилетели с добром. Откуда-то из созвездия Козерога. Или из ближайшего к нему созвездия. В общем, с той стороны. Оттого их и прозвание пошло. И на земных людей были они вполне похожи. Старый Юхи самолично ходил встречать их с делегацией. Звался он тогда Юхан-Густав Фогт, уважаемый всеми человек, владелец самой большой в штате скотобойни. Попробовали

бы его в ту делегацию не позвать! Уж мэру бы солоно пришлось на очередных выборах.

«Так, бишь, о чём это он? Ага!»

— Выглядели они, внучек, как мы с тобой. Только ростом малость повыше. И тонкие в кости, им по нашей земле ходить было тяжело, потому обычную одежду они не носили. А какие-то корсеты, будто бы у них всех спина болела. Потом ничего, привыкли и стали совсем похожи на нас, разве только головы больше — ну, да ты и сам видел не раз. И конечно, много разного барахла с собой привезли. Обычное дело, теперь это есть в каждой здешней хижине. А тогда казалось в диковинку. И фотонные ножи, и карманные теплогенераторы, и комбезы из безразмерного литого шёлка. Копейки — бросовая цена, дешёвка и дрянь, нынче всякий знает, а тогда поубивать друг дружку готовы были ради новых вещей. И убивали, случалось. Козероги ведь не просто так давали. Стоило всё какие-то неслыханные деньжищи, особенно ихнее оружие. Нет, настоящего, своего, секретного они, понятно, не продавали. Так, мелочёвку, вроде импульсных сетей или самолётных кассетных излучателей, но и то было в диковинку. Наши кричали: внеземные технологии, новый виток чего-то там и мир во всём мире!

Козероги слушали и поддакивали во всяких ООНх и прочих совещательных советах. И всё старались побольше втюхать задорого своего добра. Он, Юхан-Густав, тоже купил себе фотонный нож, по цене полного вагона коровьих туш, во как! А нож тот через месяц возьми да и накройся вороньим гнездом, потому что козероги не упредили: вещь одно-разовая, заряд вышел — и неси тот ножик на помойку, больше он ни на что не годен. Деда твой, говоришь, дурачок? И не стыдно смеяться над стариком? Это ты теперь знаешь. А я тогда ножей фотонных видеть не видел и не слышал о них, откуда же понятие?

Старый Юхи вздохнул и крикнул, крикнул и вздохнул. Эмиль снова затеребил его:

— Деда, дальше!

— Дальше? Очень скоро козероги предложили капитальный обмен. Они, мол, помогают землянам, в чём те только ни захотят, а за это...

Правители разных стран тогда, будто собаки на свадьбе, перегрызлились между собой. Кто во что горазд обещали: и золота, и бриллиантов, и цветных ископаемых, и даже трансуранные элементы. Но козероги — вот те раз! — от такого богатства решительно отказались. И потихоньку, стыдливо сообщили свои условия. Оказалось, за благодетель ихнюю нужен им всего-то песок, который из пустыни. Ну, там из Сахары или Такла-Макан, в общем, где песчаных дюн много. Которые без песка, тоже сгодятся, Австралия всякая или Калахари. Козероги их до ума доведут, только те пустыни считаться будут подешевле. Ну и, ясен пень, все кинулись эти

пустыни им наперебой продавать, даже не спросив, зачем. На кой водяной козерогам бесплодная земля? Выслушали вполуха; дескать, песок тутощный уж больно хорош, какой-то особенный кремниевый сорт.

Кто ж знал, что здешний песок у козерогов там, может, в миллион раз дороже всякого золота. Без него и космолёты ихние не летают, и вообще экономике полный эндшпиль. Что и говорить, в которых везучих государствах нашлись песчаники, те и возликовали. И тут же направо и налево запродали собственность козерожьим коммерческим компаниям. Запродать-то запродали, денежки получили, пропили, проели, ещё захотели. А где взять? Давай воевать с соседом. Оружия-то до дури.

Само собой, однажды до того дошло, что кто-то кого-то ядерной ракеткой «приласкал» по несговорчивой головушке. Сперва мировая общественность перепугалась, радиация, то да сё, гибель человечества. А козероги мировую общественность утешили. Не пугайтесь, братья по разуму, есть у нас такой хитрый прибор, который всякую радиацию при взрыве поглощает и вообще ни единого зловредного нейтрона или протона наружу не выпустит, — вот вам его задарма, получите.

С прибором веселей пошло. Ракетами стали кидаться почём зря. Старый Юхи, тогда ещё молодой Юхан-Густав, особенно ту войну не наблюдал, в подвале на скотобойне просидел — хороший подвал, из армированного железобетона. Нет уж, воюйте без него, дураков нет.

А дураков и впрямь скоро не стало, и вообще мало кого осталось. Уж очень сильно козероги науськивали землян друг на друга — известное дело, куда ядерным зарядом долбануло, там песочек — первый сорт! Собирай не хочю. Обезлюдевшие участки исправно скупали, всё равно пустыня, чего там делать? Много скупили. Когда всякие-разные правительства, которые не до конца ещё себя угробили, спохватились, уж поздно было. Кругом почти один голый песок, и весь чужой, то есть козерожий. Пробовали рыпнуться, даже воевать затеяли, но пришельцы им только краешек своего настоящего оружия показали — пару раз вплоть до полного истребления особо непонятливых районов, — тут же все и присмирели. Из тех, кто выжил, понятное дело.

Но всё же козероги оказались гуманные, недаром высшая цивилизация. У них тоже какой-то свой ООН имелся, почище нашего. Вот и основали гуманитарную помощь аборигенам. Целую Антарктиду нам отвалили, под резервации, и для «сэмми», и для «индов», и для «помми», и даже для «нигги». Всё равно для их песчаных затей здешние снега не годятся, больно себестоимость выходит дорогой. Теперь вот сахар возят. Но это не значит,

что мы за лучшими харчами должны ехать отсюда. Наша здесь земля — и баста!

— Вот бы, деда, разочек съездить в ту Омаху! Только посмотреть! — продолжал подначивать его внучек. — Посмотришь, где самая-самая наша земля. Ну, то есть не одна наша — всех «сэмми», — канючил Эмиль и всё дёргал старого Юхи за полу моржового полушубка, будто от старика и в самом деле зависело исполнение его желания.

— Экий ты недоросль! И чему тебя козероги учили? Сушёные селёдки! А ещё новая миссионерская школа называется. Историю не знаешь, — нарочно строго и с некоторым разочарованием в голосе пробубнил старик. — Настоящие «сэмми» получили свою землю в великом противостоянии. С тамошними индейцами. Цивилизация, брат, большую пользу может принести. Тому, кто умеет взяться.

И старый Юхи принялся рассказывать, чего смутно помнил сам. И про корабль «Мэйфлауэр», и про капитана Джона Смита, и про деву Покахонтас, и про пушную торговлю, и что за пару долларов или за грошовые бусы у глупых индейцев легко было купить изрядный кусок земли, размером с Манхэттен. Много чего наплёл он о семинолах и апачах, о первых поселенцах и техасских рейнджерах, где правда переплеталась с красочным вымыслом. Эмиль слушал его, слушал, но вдруг посмотрел как-то странно на старого Юхи, глазёнки его сделались большие-пребольшие и круглые, будто у пингвина-подранка.

— Чего это ты? — забеспокоился старый Юхи. — Или я тебя росказнями напугал? Да ведь всё давным-давно в прошлом.

— Я не оттого, — Эмиль подобрался поближе к старому Юхи, робко прижался к его моржовому полушубку, будто захотел согреться, хотя отроду не страдал от холодов. — Значит, деда, раньше уже было так?

— Как это, так? — удивился старый Юхи.

— Вот так, как теперь. Если все знали, что так уже было? Зачем пустили к себе козерогов?

— Как же их было не пустить? Раз они с добром? И всё ты напугал. Никогда так не было, чтобы вот как теперь. Совсем другое дело. Небось, и не слушал, что я тебе битый час толкую. — Старый Юхи хотел было рассердиться по-настоящему, но не вышло. И не оттого, что он сильно любил своего Эмиля. Слова внучка смутили его, хотя старый Юхи и не понимал, чем.

Ну да ладно. Он здесь на своей земле, и уж отсюда его никакой козерог не скочырнёт. Ни с плексигласовой завалинки, ни прочь от пингвиньей фермы.

— Ты беги, внучек. Беги, поиграй. Скоро мама придёт, сахару принесёт, — и старый Юхи легонько подтолкнул Эмиля.